

УДК 165.242.2

Э.Н. КАЛЕНЧУК

старший преподаватель
Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь
E-mail: kalenchyk_en@mail.ru

Статья поступила 13 апреля 2018г.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА КАТЕГОРИЮ ПОНИМАНИЯ В РУССКОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье проведен анализ содержания категории «понимание» в ее историческом развитии. Предметом исследования является выявление особенностей развития взглядов на категорию «понимание» в русской, советской и постсоветской философской традиции XX века в работах В. В. Розанова, М. М. Бахтина, А.А. Брудного, Г. И. Рузавина, А.А. Ивина, Е.К. Быстрицкого, Г.Л. Тульчинского, В.Ф. Беркова.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, смысл, текст, знание, осмысление, познание, общение.

Введение. Категория «понимание» представляет собой одно из понятий, которые обладают очевидной значимостью для обеспечения эффективного взаимодействия социальных субъектов и решения задач общественного развития.

Различные аспекты проблемы понимания нашли свое отражение в работах философов В.В. Розанова, М.М. Бахтина, А.А. Брудного, Г.И. Рузавина, А.А. Ивина, Е.К. Быстрицкого, Г.Л. Тульчинского и др.

Целью данной статьи является выявление особенностей развития взглядов на категорию «понимание» в русской, советской и постсоветской философской традиции XX века.

Рассмотрение имеющихся подходов к интерпретации категории «понимание» в пределах отечественной философской мысли позволит сформировать предпосылки для их сравнительного анализа, а также выделить виды, уровни, функции понимания.

До настоящего времени затруднения, которые возникали в определении содержания категории «понимание», разрешались по-разному: от полного отказа

предложить хотя бы рабочее определение этой сущности на основании якобы ее «интуитивной ясности» до попыток выработки логически безупречных дефиниций [4].

Основная часть. Проблема понимания в русской философии была впервые раскрыта религиозным философом Василием Розановым (1856-1919), который полагал, что понимание – это «движение интуиции к гармонии». В трактате «О понимании» (1886 г.) данный феномен рассматривается им как элемент пространства «живого знания» и противопоставляется рефлексивному, расчленяющему действительность научному мышлению западной науки.

По В. Розанову понимание и знание различаются по природе и происхождению. Знание ограничивается простым осознанием факта существования объекта, при этом ни один из вопросов, которые могут быть предложены в отношении этого объекта, не находит разрешения. Понимание же включает в себе сознание, что-то, что существует и не может не существовать; причем совокупность всех вопросов, которые

могут быть предложены в отношении его объекта, получают разрешение. Знание ограничивается внешними признаками существующего и наружными формами происходящего – теми признаками и формами, которые доступны органам чувств – оно поверхностно. Знание отрывочно, бессвязно и не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скрепленное внутреннею причинною связью. Для знания все случайно и необъяснимо [1, с. 14].

В соответствии с взглядами советского философа М.М. Бахтина (1895 – 1975), понимание выступает диалогическим и единственно возможным способом самодетерминации индивида как личности в культурном контексте. Общение в диалоге становится возможным лишь благодаря тексту как первоэлементу общения, который, по убеждению ученого, есть исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. Текст следует рассматривать как диалогическую «встречу» субъектов, которая происходит в рамках широкого культурного контекста и требует особого метода – понимания. Таким образом, понимание всегда имеет диалогичный характер, поскольку в соответствии с его позицией – «при объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов (кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [2, с. 289-290].

Значительный интерес представляет подход к проблеме понимания, сформулированный в работах советского и украинского философа Е.К. Быстрицкого. Исследователь фиксирует совпадение генезиса проблемы понимания в науке и философии с началом поисков возможностей применения всеобщего, теоретического знания для освоения конкретно-исторических особенностей изучаемого предмета. Другая взаимосвязь, выявленная Е. Быстрицким, обнаруживается между постановкой и исследованием проблемы понимания и процессами превращения науки в непосредственную производительную силу общества.

Автор полагает существенным не только решение задач технологического внедрения в производство теоретических результатов естественнонаучного знания, но и

разрешение актуальных в современной ему период вопросов развития общественности для целенаправленного совершенствования производственных отношений, а также для формирования мировоззрения личности [3, с. 92].

Понимание рассматривается исследователем как компонент познания, обращенный на конкретно-историческое многообразие человеческой жизнедеятельности, предельными критериями которого являются особенные, единичные, а иногда и уникально-своеобразные стороны самой чувственно-предметной человеческой деятельности, отраженные в сознании людей [3, с. 27].

По мнению Е. Быстрицкого, отличием понимания от знания, для анализа которого наиболее интересным аспектом процесса познания являются способы обобщения, теоретизации эмпирического материала, выступает связь понимания с движением от абстрактных, теоретических структур к их практическому воплощению в предметном мире человека [3, с. 92].

В работах российского исследователя в области логики А.А. Ивина (1939-2018) сформирована сложная, структурированная картина операции понимания. Одна из его основных посылок состоит в расширении содержания категории понимания за пределы текста или произнесенной речи [4, с. 418-419].

Философ фиксирует наличие трех типичных областей понимания: понимание действий человека, его поведения и характера; понимание природы; понимание языковых выражений («текста») [4, с. 425].

Вслед за М.М. Бахтиным исследователь полагает, что понимание неразрывно связано с ценностями и выражающими их оценками. Присущая пониманию характерная особенность выступать в форме подведения под ценность, отличает его от объяснения, которое выполняет функцию обеспечения соответствия истине. Таким образом, объяснение, как и всякое описание, говорит о том, что есть, а понимание, подобно всякой оценке, – говорит о том, что должно быть [4, с. 419].

А.А. Ивин отмечает многозначный характер слова «понимание». Он выделяет понятийное или рациональное понимание, которое представляет собой результат более или менее отчетливого рассуждения и является умозаключением. Ко второму виду

понимания он относит формы интуитивного, или «нерассудочного» понимания, как в частности, непосредственное схватывание некоторого единства и эмоциональное (чувственное) понимание с такой его разновидностью, как эмпатия.

Автор формулирует важный вывод о том, что все формы понимания предполагают ценности, но не всякое понимание является результатом рассуждения [4, с. 420].

Представляет интерес предположение исследователя о том, что именно понимание человеческой деятельности является парадигмой, или образцом, понимания вообще, поскольку именно в понимании человеческого поведения ценности, играющие центральную роль во всяком понимании, обнаруживают себя наиболее явно и недвусмысленно [4, с. 425].

Содержание понимания поведения характеризуется А.А. Ивиным как его оценка на основе некоторого образца, стандарта или правила. При этом целевое понимание поведения предполагает раскрытие связи между мотивами (целями, ценностями), которыми руководствуется человек, и его поступками. В этом смысле понять поведение индивида – значит указать ту цель, которую он преследовал и надеялся реализовать, совершая конкретный поступок [4, с. 425].

Одна из наиболее полных концепций понимания содержится в работах советского и киргизского философа А.А. Брудного (1932 – 2011).

Одним из основных положений исследователя о проблеме понимания является связь понимания с познавательными процессами. А.А. Брудный полагал, что понимание возникает как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности. По его мнению, способность понимать действительность, природную и социальную, понимать других людей и самого себя, тексты культуры – эта способность лежит в основе существования человеческого сознания. Результат понимания отнюдь не обязательно представляет собой истину в последней инстанции. Понимание, как полагает мыслитель, плюрально, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности [5, с. 22].

В подходах к определению понимания А. А. Брудным было сформулировано семь

значений этого слова: следование заданному или избранному направлению; способность прогнозировать; способность дать словесный эквивалент; согласование программ деятельности; использование в решении проблем; способность осуществить приемлемую реакцию; способность прилагать к изменяющейся действительности уже имеющиеся знания о ситуациях или объектах [6, с. 113].

При формулировании рабочего определения понимания А.А. Брудным было предложено опереться на функционально-деятельностный критерий. Его использование позволяет исследователю интерпретировать данную категорию следующим образом: «Субъект может понять и понимает структуру функционирующего целого, если, имея перед собой элементы этой структуры и не имея инструкции по сборке, мы способны собрать это целое таким образом, что оно станет функционировать» [6, с. 115].

В соответствии с позицией А.А. Брудного, отношение между пониманием и знанием устанавливается посредством факта обретения последнего. Приобретаемое знание отражает суть вещей, соединяет ранее неизвестное с уже известным. При этом момент приобретения знания, в соответствии с позицией ученого, сопровождается превращением ранее разрозненного в систему [5, с. 25-26].

Способность понимания обеспечивать придание знанию систематических свойств, придавать ему форму связных и целостных систем, по утверждению исследователя, указывает на свойство понимания иметь отношение в большей степени к синтезу, чем к аналитическим процедурам [5, с. 25-26].

Советский философ Г. И. Рузавин (1922-2012) отмечал, что традиционный взгляд на понимание, как воспроизведения первоначального смысла текста, нуждается в уточнении и обобщении. Такое обобщение философ делает на основе семантического подхода к интерпретации, согласно которому смысл или значение можно также придавать тексту как знаковой структуре. Отсюда следует, что понимание зависит от того смысла, который придали тексту не только автор, но и его интерпретатор [7, с. 185]. Чтобы понять текст, интерпретатор не просто раскрывает авторский смысл, но привносит дополнительный смысл от себя, так как подходит к тексту с определенных позиций,

личного опыта, своих идеалов и убеждений, духовного и нравственного климата своей эпохи, его ценностных и мировоззренческих представлений [7, с. 176].

По мнению Г.И. Рузавина, взгляд на понимание как процесс, связанный с раскрытием более глубокого смысла результатов познавательной деятельности, помогает выявить его творческий, конкретно-исторический и активный характер [7, с. 176].

Зависимость понимания текста от конкретно-исторических условий его интерпретации ясно показывает, что оно не сводится к чисто психологическому и субъективному процессу, хотя личный опыт интерпретатора играет здесь далеко не последнюю роль. При рассмотрении субъективного подхода в трактовке понимания, философ справедливо замечает, что если бы понимание целиком сводилось к субъективному восприятию смысла текста или речи, тогда были бы невозможны какая-либо коммуникация между людьми и взаимный обмен результатами духовной деятельности. Такие психологические факторы, как интуиция, воображение, сопереживание и т.п., несомненно, очень важны для понимания произведений литературы и искусства, но для постижения исторических событий и процессов необходим глубокий анализ объективных условий общественной жизни [7, с. 185].

Рассматривая вопрос о соотношении субъективного и объективного, интуитивного и рационального, психологического и логического в процессе понимания, автор считает, что они по-разному представлены на разных его стадиях и уровнях. Понимание первого вида возникает в ходе языкового общения. Оно основывается на диалоге, когда собеседники располагают приблизительно одинаковым полем семантических значений слов и поэтому понимают друг друга. Понимание второго вида связано с переводом с одного языка на другой, когда при интерпретации приходится заботиться об адекватной передаче смысла слова или предложения, выраженного на чужом языке. Понимания третьего вида связано с интерпретацией произведений художественной литературы и искусства. Более высокие типы понимания, по мнению Г.И. Рузавина, требуют более совершенных средств исследования. Поэтому философ считает целесообразным выделить два

уровня понимания. К первому уровню понимания можно отнести понимание, в основе которого лежит интуитивное постижение смысла. В подавляющем числе случаев для понимания речи, поступков и действий людей в повседневной жизни этого вполне достаточно. Второй уровень понимания основывается скорее на рациональном подходе к осмыслению явлений, чем на интуитивном их постижении с помощью эмпатии, сопереживания, перевоплощения и т.п. субъективно-психологических приемов. [7, с. 178-179].

Г.И. Рузавин пишет, что понимание не следует ни отождествлять, ни сводить к объяснению: в понимании присутствует субъективно-психологическая составляющая, связанная с постижением мыслей, чувств и других элементов духовного мира людей. В широком смысле ее часто называют вживанием во внутренний, духовный мир, а в психологии – *эмпатией*, или вчувствованием [7, с. 165].

По мнению исследователя, и понимание и объяснение следует не противопоставлять друг другу, а рассматривать как взаимодополняющие элементы единой, целостной системы научного исследования [7, с. 159].

Рассуждая о соотношении познания и понимания, Г.И. Рузавин считает, что, «хотя в ходе познания анализ и синтез взаимно дополняют друг друга, но в ходе понимания синтез завершает аналитическую стадию исследования и поэтому играет здесь доминирующую роль. Это оправдано как по отношению к усвоению и пониманию существующего, готового знания, так и теорического осмысления нового эмпирического и фактического материала, которое осуществляется в ходе научного исследования».

Подход современного российского философа Г.Л. Тульчинского (р. 1947) к анализу соотношения интерпретации и понимания можно рассматривать как результат обобщения и переосмысления герменевтической и аналитической традиций. Интерпретация рассматривается исследователем как процесс осмысления текстов и иных объектов знаковой или даже незнаковой природы. По мнению Г.Л. Тульчинского, интерпретация «есть универсальная процедура рассмотрения действительности через призму общественных нормативов и ценностей» [8,

с. 46], а осмысление является «стороной духовно-практического освоения действительности, связанной с отражением социальным субъектом этой действительности, в контексте норм, целей и ценностей общественной практики» [9, с. 7]. Автор считает, что «понятие осмысления несколько шире по своему содержанию, чем близкое к нему понятие понимания», [9, с. 7] так как последнее в большей мере связано с анализом процессов коммуникации и общения.

Вполне убедительное обоснование и широкую проработку трактовка понимания как оценки получает в рамках нормативно-деятельностного подхода. Выявляя основные группы нормативно-ценностных систем и их роль в общественной практике, Г.Л. Тульчинский показывает, что «осмысление человеком действительности целиком и полностью определяется нормативно-ценностными системами его деятельности» [9, с. 68]. С этой точки зрения, осмыслить явление, понять сообщение – значит установить, как включено это явление или сообщение в социально-культурную деятельность, в каких целях они могут использоваться или используются [9, с. 55].

Специфика понимания в данном случае заключается в выявлении смыслов, скрытых в текстах, человеческих действиях, исторических событиях, предметах культуры и т.п. Из этого следует невозможность понимания объектов, которые в принципе не являются носителями смысла. Иными словами, понятия «смысл» и «понимание» оказываются «соотносительными и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Вне понимания так же нет смысла, как и понимание есть усвоение некоторого смысла» [9, с. 55].

Осуществленный Г. Л. Тульчинским и С. С. Гусевым анализ различных точек зрения на проблему понимания позволил им сформулировать концепцию, согласно которой «представляется возможным говорить о трех основных уровнях понимания: фиксации материальной формы знака (его идентификации и узнавания), выявлении его социального значения и его личностного смысла, то есть оценочного отношения и переживания. Прохождение данного ряда от идентификации (узнавания) до переживания соответствует достижению все более полного и глубокого понимания» [10, с. 149].

Вместе с тем авторы постарались избежать четкого определения категории «понимание». Основным мотивом терминологической недоработанности стал уход от ограничений для возможного анализа, которые возникают при использовании жестких определений, а также отсутствие конкретных задач и сопутствующих им и необходимых для их решения условий и данных.

Позиция белорусского философа В.Ф. Беркова (р. 1936) позволяет, на наш взгляд, согласовать имеющиеся подходы определения категории «понимания».

С точки зрения В.Ф. Беркова, «понять текст означает в индивидуальной, личностно окрашенной форме (т.е. в форме понятий и представлений) проникнуть в его сущность и соотнести с ним второстепенное, привнесенное, случайное, увидеть единичное как частный случай чего-то общего» [11, с. 360].

В.Ф. Берков выделяет четыре уровня понимания. Первый уровень понимания текста связан с уяснением и уточнением смысла его компонентов. Ученый называет его ассимиляцией смысла. Данный уровень понимания разворачивается на уровне явления. В нем выделяются лексические единицы текста, выявляются синтаксические отношения между ними, устанавливаются их семантические характеристики. Интерпретация как второй уровень понимания связана с выделением тех характеристик текста, которые соответствуют смысловым структурам читателя, импонируют ему, отвечают его устремлениям и намерениям. Интерпретация может принимать форму актуализации и модернизации. Третий уровень понимания текста – реконструкция смысла. Данный уровень понимания предполагает обращение к мотивам и задачам, которые ставил перед собой автор, создавая текст. Для этого нужно соотнести текст с вопросами, ответы на которые он сообщает. В итоге текст наполняется тем смыслом, который придавал ему автор, и читатель во многом повторяет его творческий путь. При этом нужно учитывать не только то, как задача формулировалась первоначально, но и как она развивалась в дальнейшем. На эссенциальном – четвертом – уровне понимания текст соотносится с определенными социокультурными условиями, его содержание связывается с

тенденциями общественного развития. Таким образом, «глубина понимания текста связана со способностью субъекта увидеть в его содержании сущностные характеристики отображаемого. «Погружение» текста в историко-культурный контекст выступает в качестве необходимой герменевтической процедуры и методологической установки» [11, с.361-365].

Заключение. В отечественной философии разработаны подходы к определению понимания, в которых пространство содержания данной категории включает в себя широкий перечень вариантов интерпретаций, принципиально не сводимых к определенной однозначности. Основные смыслы выявленных значений понимания группируются в диапазоне от признания его способом интуитивного прозрения сущности предметов до взглядов на диалогическую природу понимания как на средство построения личностной самодетерминации индивида; от представлений о природе понимания, выражаемых в форме рациональных умозаключений до обусловленности понимания выявлением причинно-следственных связей, предопределяющих сущность и развитие явлений.

Сформированы представления о внутренней структуре понимания, которая в наиболее общем случае предполагает вычленение его уровней. Их иерархия может быть выстроена либо путем, идущим от фиксации формы знака до придания ему личностных смыслов, либо через этапы объективирования сущности явления, также берущего начало от уточнения его формы, но в дальнейшем предполагающим опосредование при помощи процедур интерпретации, реконструкции и соотнесения смыслов текста с социокультурными характеристиками окружающей среды.

Выявлен перечень факторов, взаимосвязи с которыми продуцирует широкое разнообразие характерных свойств понимания. Наиболее существенными в детерминировании особенностей понимания выступают его функциональные взаимосвязи с познанием, с объяснением, а также с деятельностью человека.

Список литературы

1. Розанов, В.В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и

- внутреннего строения науки как цельного знания / В.В. Розанов. – М.; Танаис, 1995. – XXV, 808 с. (Литературные изгнанники)
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Быстрицкий, Е. К. Научное познание и проблема понимания / Е.К. Быстрицкий. – К.: Наукова думка, 1986. – 136 с.
4. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2005. – 592 с.
5. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика / А.А. Брудный. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
6. Брудный, А.А. Понимание как философско-психологическая проблема / А.А. Брудный // Вопросы философии. – 1975. – №10. – С. 109-117.
7. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования: учебное пособие для вузов / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 287 с.
8. Тульчинский, Г.Л. Интерпретация и смысл / Г.Л. Тульчинский // Интерпретация как историко-философская и методологическая проблема. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 33-48.
9. Тульчинский, Г.Л. Проблемы осмысления действительности. Логико-философский анализ / Г.Л. Тульчинский. – Л.: Изд-во Ленинград. Ун-та, 1986. – 177 с.
10. Гусев, С.С. Проблема понимания в философии / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
11. Берков, В.Ф. Методология науки. Общие вопросы : учебное пособие / В.Ф. Берков. – 3-е изд. – Минск : РИВШ, 2015. – 396 с.

Резюме. В настоящее время проблема понимания занимает одно из ключевых мест в работах по общей методологии науки.

В современной методологии науки решаются вопросы о месте и статусе понимания в процессе познания (А.А. Брудный, Е.К. Быстрицкий, Г.Л. Тульчинский), о соотношении знания и понимания (Г.И. Рузавин), понимания и общения (А.А. Брудный) и др.

Междисциплинарный характер проблемы понимания породил множество подходов к ее решению. А это обстоятельство, в свою очередь, привело к сравнительно большому разнообразию теоретических концепций,

описывающих феномен понимания, которые далеко не всегда согласуются между собой.

В настоящее время значение философско-методологического анализа проблемы понимания возрастает в связи с повышением сложности теоретического обобщения в рамках таких дисциплин как лингвистика, психология, информатика, историография и др., разностороннего эмпирического материала, накопленного в пределах проблемного пространства данной темы.

Вопрос о месте и роли понимания в структуре познания неоднократно поднимался и в герменевтике, и в аналитической философии, и в марксистской гносеологии. Герменевтическое знание рассматривает процесс понимания как форму интерпретации; аналитическая философия включает понимание в теорию значения или теорию смысла. Диалектико-материалистический анализ, проведенный в советский период А.А. Брудным, Е.К. Быстрицким, Г. Л. Тульчинским и др., сформировал подход к рассмотрению понимания как философско-методологической проблемы, в контексте разрешения общих задач теории познания.

Проведенный автором анализ позволяет утверждать, что понимание невозможно исследовать вне структуры человеческой деятельности. Это означает, что выявление соотношений языка, мышления и действительности, которые составляют важный аспект традиционного анализа процесса понимания, необходимо дополнить деятельностными критериями. И общение, и понимание, оказываясь всегда включенными в определенную деятельность, в той или иной мере подчинены цели этой деятельности и служат для ее достижения.

Abstract. At present, the problem of understanding occupies one of the key places in the work on the general methodology of science.

The modern methodology of science solves problems about the place and status of understanding in the process of cognition

(Brudny, Bystritsky, Tulchinsky), the relationship between knowledge and understanding (Ruzavin), understanding and communication (Brudny).

The interdisciplinary nature of the problem of understanding has given rise to many approaches to its solution. And this circumstance, in turn, led to a relatively large variety of theoretical concepts, which are not always consistent with each other, describing the phenomenon of understanding.

At present, the philosophical and methodological analysis of the problem of understanding becomes especially relevant because of the rich empirical material, accumulated on this problem, represents the complexity of theoretical generalization within the framework of such disciplines as linguistics, psychology, informatics, historiography, etc.

The question of the place and role of understanding in the structure of cognition has been repeatedly discussed both in hermeneutics, in analytical philosophy, and in marxist epistemology. If hermeneutics views the process of understanding as an interpretation, then analytical philosophy includes it in the theory of meaning or the theory of meaning.

Dialectical-materialistic analysis, conducted by such philosophers as A. A. Brudny, E.K. Bystritsky, G.L. Tulchinsky, and others, shows that understanding must be considered as a philosophical and methodological problem, in the context of general problems of the theory of knowledge.

It has already become evident that understanding cannot be studied outside the structure of human activity. This means that the relationship of language, thinking and reality, which is one of the aspects of the traditional analysis of the process of understanding, must be supplemented by activity entities. In fact, both communication and understanding, being always included in some activity, are more or less subordinated to the purpose of this activity and serve to achieve it.

KALIANCHUK Eleanora N.

Senior Lecturer

Polesky State University, Pinsk, Republic of Belarus

DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE CATEGORY OF UNDERSTANDING IN RUSSIAN, SOVIET AND POST-SOVIET PHILOSOPHY

The article analyzes the content of the category "understanding" in its historical development. The subject of the study is the identification of the features of the development of views on the category of "understanding" in the Russian, Soviet and post-Soviet philosophical traditions of the twentieth century in the works of V.V. Rozanov, M.M. Bakhtin, A.A. Brudny, G.I. Ruzavin, A.A. Ivin, E.K. Bystritsky, G.L. Tulchinsky and V.F. Berkov.

Keywords: *understanding, interpretation, meaning, text, knowledge, comprehension, cognition, communication.*

References

1. Rozanov V.V. *O ponimanii: Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya* [Considering the understanding: The experience in exploring of nature, borders and internal structure of science as integral knowledge]. Moscow, Tanais Publ., 1995, XXV, 808 p. (In Russian)
2. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 424 p. (In Russian)
3. Bystritskiy E. K. *Nauchnoe poznanie i problema ponimaniya* [Scientific knowledge and the problem of understanding]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 136 p. (In Russian)
4. Ivin A.A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 592 p. (In Russian)
5. Brudnyy A.A. *Psikhologicheskaya germeneytika* [Psychological hermeneutics]. Moscow, Labirint Publ., 1998, 336 p. (In Russian)
6. Brudnyy A.A. *Ponimanie kak filosofsko-psikhologicheskaya problema* [Understanding as philosophical and psychological problem]. *Voprosy filosofii*, 1975, no.10, pp. 109–117. (In Russian)
7. Ruzavin G.I. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [The methodology of science research]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2012, 287 p. (In Russian)
8. Tul'chinskiy G.L. *Interpretatsiya i smysl* [Interpretation and meaning]. *Interpretatsiya kak istoriko-filosofskaya i metodologicheskaya problema*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 33-48. (In Russian)
9. Tul'chinskiy G.L. *Problemy osmysleniya deystvitel'nosti. Logiko-filosofskiy analiz* [Reality Understanding Issues. Logical and Philosophical Analysis]. Leningrad, Leningradskiy universitet Publ., 1986, 177 p. (In Russian)
10. Gusev S.S., Tul'chinskiy G.L. *Problema ponimaniya v filosofii* [The problem of understanding in Philosophy]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, 192 p. (In Russian)
11. Berkov V.F. *Metodologiya nauki. Obshchie voprosy* [Methodology of science. General questions]. Minsk, Respublikanskiy institut vysshey shkoly Publ., 2015, 396 p. (In Russian)

Received 13 April 2018